

Говорят, что они просто болтают, но на деле в основном слушал только У Цинъюань, а говорил всё Линь Амо. Мальчишка оказался невероятно словоохотливым: стоило подкинуть одну тему, как он мог рассуждать о ней часами, высыпая подробности из жизни Чжоу-гэра, словно горох из прохудившегося мешка.

Хотя двенадцать лет — срок немалый, событий в жизни Чжоу-гэра было не так уж много. Больше всего Линь Амо рассказывал о том, как тяжело тому пришлось с самого детства, и о его отношениях с Чжан Дачжу.

— У-дагэ, Дачжу-гэ — отличный парень, он так любит Чжоу-гэра! Если бы не желание жениться на нём, у него бы уже давно было несколько детей. Если не верите, спросите любого в деревне — все подтвердят. Дачжу-гэ правда, правда очень хороший человек, честный, работающий, и сердце его принадлежит только Чжоу-гэру...

К концу своей тирады Линь Амо украдкой взглянул на лицо У Цинъюаня, продолжая изо всех сил расхваливать Чжан Дачжу. Теперь, когда У Цинъюань стал старшим для Чжоу-гэра, Дачжу, чтобы жениться, должен был заручиться его одобрением.

— Ты так добр к Чжоу-гэру, и заступился за него, и сватать помогаешь, — У Цинъюань не мог не подшутить, сразу раскусив его маленькую хитрость.

— Чжоу-гэр и ко мне очень добр, он ведь в детстве спас мне жизнь! Я... я не сватаю, я просто говорю чистую правду. Чжоу-гэр тоже... тоже очень любит Дачжу-гэ... — увидев насмешку на красивом лице У Цинъюаня, Линь Амо мгновенно смутился и, покраснев, начал запинаться.

Помогать в сватовстве — дело замужних тётушек, а не юного неженатого парня. Если про это узнают, засмеют! Он так обрадовался, что совсем забыл о правилах приличия. Амо почувствовал досаду, а заметив, что от его оправданий улыбка на лице У Цинъюаня становится только шире, покраснел ещё сильнее.

Даже при всей своей общительности и живости характера, сейчас он по-настоящему ступешался. Поспешно бросив: У-дагэ, вы там варите лекарство, а мы с братом пойдем проведем Чжоу-гэра, — он схватил Линь Тяньбао за руку и, спрыгнув со ступенек, бросился наутёк.

Тяньбао, которого внезапно потащили за собой, спотыкался и кричал: Брат, помедленнее!, — но Линь Амо не мог сбавить шаг. С пылающими ушами он тянул брата за собой, торопливо повторяя: Быстрее!.

Когда братья скрылись за поворотом двора, У Цинъюань всё ещё слышал звонкий, юношески чистый голос. Он отвел взгляд, с приятным чувством подбросил в костёр несколько поленьев и поймал себя на мысли, что с нетерпением ждёт начала жизни в деревне Люшу.

Он рассчитывал, что на поиски Чжоу Фуси уйдет много времени, но встретил его сразу по прибытии. Это был хороший знак, и У Цинъюань решил больше не искать другого места — деревня Люшу подходила идеально.

Его целью после перемещения была лишь спокойная жизнь. Пока что деревня ему очень нравилась, к тому же он обещал Линь Лаогэню вылечить лицо его сына, а слово своё держать надо. Значит, остаётся здесь.

А еще Чжоу-гэр. Раз уж он обещал Чжоу Даню присмотреть за ним, нельзя просто взять и бросить парня после того, как нашел. У Цинъюань был человеком сдержанным, но принципиальным: отныне он будет считать Чжоу-гэра своим младшим братом, что для одинокого человека вроде него — совсем неплохо.

С момента перерождения прошло немало времени, и теперь он наконец мог осесть. Мысли о светлом будущем наполнили его энтузиазмом, и уже на следующий день он отправился к старосте решать вопрос с жильем — нельзя же вечно жить в доме Линь.

В это время года полевых работ было немного, и староста, не откладывая дело в долгий ящик, сразу повел его смотреть пустующие дома. Это были лачуги тех, кто переехал в другие края. Ничего приличного там не осталось — хорошие дома давно продали, а эти стояли заброшенными.

У Цинъюань увидел лишь типичные глинобитные хижины с соломенными крышами. Из-за долгого простоя они обветшали, поросли сорняками и выглядели жалко. Однако, к счастью, в старину люди строили на совесть: материалы были качественными, а работа — добротной. Дома выглядели разрушенными, но стояли крепко, требовалось лишь немного подлатать их, чтобы сделать пригодными для жилья.

У Цинъюаня не совсем устраивал такой вариант, но на строительство нового дома ушли бы месяцы, так что пришлось смириться.

Оформление бумаг прошло быстро, и начался ремонт. Специальных бригад в деревне не было, поэтому У Цинъюань попросил помощи у Линь Лаогэня и нанял нескольких честных деревенских мужиков. Он был щедр: по деревенскому обычаю за такую работу платили тридцать монет в день и кормили, а он предложил сорок. Это не от избытка денег, а для того, чтобы работали усерднее и чтобы наладить отношения с соседями — вложение того стоило.

Как он и ожидал, на следующий день после выплаты жалованья отношение к нему в деревне стало еще лучше. Его и раньше уважали за приятную внешность, вежливость и грамотную речь, что среди деревенских было редкостью. А теперь, увидев, что он не жалеет денег, люди окончательно убедились, что он человек не бедный.

И дело было не в корысти — просто в деревне все живут одной семьей, и никому не хотелось бы, чтобы среди них появился бедняк, тянущий всех на дно. Особенно всех радовало, что Чжоу-гэр, который столько натерпелся, теперь ходит в новой одежде и выглядит здоровым.

Ремонт шел полным ходом. У Цинъюань работал вместе с Линь Лаогэнем и другими мужиками, а обеды приносили Линь Амо и Чжоу-гэр.

В полдень они появились с корзинами.

— Папа, У-дагэ, второй дядя, дядя Чжан, дядя Ван, идите обедать! — позвали юноши.

В отличие от общительного Линь Амо, Чжоу-гэр, поздоровавшись, смущенно взял половник и начал раздавать еду. Он был более замкнутым и не умел выражать чувства, хотя на самом деле был парнем открытым. Просто десять лет лишений, а потом внезапное появление старшего брата, который заботится о нём, сытная еда и новая одежда — всё это казалось ему сном, к которому он еще не привык.

У Цинъюань не придавал значения его неловкости — это было естественно.

После утренней работы все проголодались, а еда была отличной: одно мясное блюдо, одно овощное и лепешки вдоволь. Люди ели с большим аппетитом. В жару У Цинъюань не стал заставлять всех сразу возвращаться к работе, и они отдыхали в тени деревьев.

Темы для разговоров в деревне были простыми и вечными: урожай, сплетни о соседях — обычная жизнь, как камни в горах, которые не меняются веками. Но в этой простоте была своя прелесть, которую могли оценить лишь те, кто познал горе и отчаяние. У Цинъюаню нравилось это спокойное тепло.

Попивая прохладный суп из маша, он чувствовал себя вполне довольным жизнью.

— У-дагэ, сейчас еще не так жарко, вот через несколько дней начнется настоящая жара, — улыбнулся Линь Амо, протягивая ему еще одну миску супа. — А зимой будет куда хуже. Снег такой, что даже под ватным одеялом не согреешься...

— Верно, — подхватили другие мужики. — Зимой и выходить-то не хочется, а уголь стоит бешеных денег. Моя жена вечно ворчит, что я не могу заработать даже на топливо.

У Цинъюань замер с миской в руках.

— Десять с лишним монет за цзинь угля? — переспросил он.

За эти дни он изучил цены на материалы и был удивлен. Свинина стоила двадцатку, овощи — копейки, почему же уголь такой дорогой?

— Десять — это за хороший уголь, есть и дешевле, по паре монет, но от него дыма много, глаза ест, — терпеливо объяснили ему.

— Понятно, — У Цинъюань отставил миску, задумавшись.

— Кстати, У-братец, — добавил один из мужиков, — я заметил, что кан в твоём доме сломан. Завтра же покупай материалы и чини, а то зимой не выживешь. Без кана на отопление угля уйдет монет на пять-шесть серебром!

— Спасибо, завтра же займусь. Только я не умею чинить каны, вы никого не знаете?

— У-дагэ, не надо никого искать! — Линь Амо с улыбкой указал на крепкого, как бык, Чжан Дачжу. — Лучше всех в деревне каны чинит Дачжу-гэ!

Линь Лаогэнь не планировал звать Дачжу, ведь тот работал у помещика в соседней деревне за пятьдесят монет в день, а у У Цинъюаня платили сорок. Но в первый же день Дачжу пришел сам, молча взял инструменты и начал работать, а деньги брать отказался. Причина была ясна всем: он весь обед не сводил глаз с Чжоу-гэра.

Услышав слова Амо, Дачжу засуетился:

— Да-да, я умею! Бяо-гэ, я завтра же починю вам кан...

Все вокруг рассмеялись — этот Дачжу был настолько прямолинеен, что еще не женившись, уже назвал У Цинъюаня старшим братом. Чжоу-гэр досадливо посмотрел на него и спрятался за спину друга, прошептав: Глупый бык!.

— Хорошо, спасибо тебе, брат Дачжу. А-Си, налей-ка еще Дачжу миску супа, — У Цинъюань тоже не сдержал улыбки. А-Си было прозвищем Чжоу-гэра.

Чжоу-гэр послушно подошел к Дачжу, а тот, глядя на любимого, совсем растерялся, вызывая новую волну смеха.

Линь Амо хихикал, прикрыв рот рукой, а Линь Лаогэнь легонько стукнул его по голове:

— Всё-то тебе нужно в свахи лезть, позорище!

Амо обиженно потёр лоб, и, заметив, что отец собирается читать нотацию, юркнул к У Цинъюаню, наполнив миску супом:

— У-дагэ, я всё утро варил этот суп, он очень вкусный, выпейте еще, на жаре полезно.

Он сунул миску в руки У Цинъюаню и спрятался за его спину. У Цинъюань, взглянув на него, невольно выпрямил спину, прикрывая мальчишку от сердитого отца.

Ремонт, который казался долгим, занял всего пять-шесть дней, и купленный у старосты дворик стал как новый. Однако дом был пуст, мебель пришла в негодность, да и кухонной утвари не было.

К счастью, Линь Лаогэнь помог найти деревенского плотника. Мебель вышла прочной, хоть и без изысков, зато дешево. У Цинъюань не планировал жить здесь долго, поэтому не видел смысла в роскоши.

Оставалось купить постель, котлы, посуду, масло и соль. У Цинъюань решил взять с собой Чжоу-гэра в город. Тот, с детства приученный к домашнему хозяйству, разбирался в этом лучше, чем он сам, привыкший лишь к сражениям. К тому же это был отличный повод сблизиться с «братишкой».

Утром, после завтрака, У Цинъюань позвал Чжоу-гэра. Увидев во дворе Линь Амо, он спросил:

— Амо, сегодня работы немного, не хочешь с нами в город прогуляться?

Но обычно шумный и любопытный мальчишка вдруг стал серьезным:

— Я обещал папе помочь с шитьем, — ответил он и убежал в дом.

У Цинъюань с сожалением пожал плечами и отправился в путь с Чжоу-гэром. В городе было не слишкомлюдно. Чтобы преодолеть неловкость парня, У Цинъюань начал разговор сам, рассказывая о Чжоу Дане и даже подарил ему старую черно-белую фотографию брата на память.

Прижимая фото к груди, Чжоу-гэр был растроган. У Цинъюань добавил к этому выдуманную историю о «тёте» за морем, которая всё это время тосковала по племяннику. Эти слова растопили сердце парня, он стал называть его «бяо-гэ» гораздо естественнее. Когда У Цинъюань повел его в лавку тканей, Чжоу-гэр уже не отказывался, хотя и смущался, когда тот выбирал самые лучшие материалы.

— Бяо-гэ, этого слишком много, я могу носить и грубую ткань... — он не хотел быть обузой.

— Не беспокойся, — улыбнулся У Цинъюань. — Старший брат как отец, не будь таким скромным. А кстати, какой цвет нравится Амо? Мы так долго их беспокоили, надо бы что-то подарить.

Чжоу-гэр, тронутый его добротой, послушно начал помогать с выбором.

— Бяо-гэ, Амо любит синий, возьмите этот...

Он с удовольствием рассказывал о друге: как они вместе тайком бегали смотреть на уличные представления, как Амо любит сладости — пирожные с сахаром, османтусовые лепешки, кунжутные печенья...

— Правда, они такие дорогие, что мы могли позволить их себе только по праздникам... — добавил он с грустью.

<http://bllate.org/book/20032/1977520>